

УДК 93.94

**ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЭТНИЧЕСКУЮ ОБЩНОСТЬ РУССКИХ СЛАВЯН
В ВЕКА РАЗЪЕДИНЕНИЯ**

В.А. Матвеев

**DISINTEGRATING EFFECTS
ON THE ETHNIC COMMUNITY OF RUSSIAN SLAVS
IN THE AGE OF SEPARATION**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования обстоятельств и последствий реорганизации самосознания у восточных славян. Охватывается период с монгольского нашествия в XIII в. и до воссоединения по решениям Московского Земского собора (1653) и Переяславской рады (1654). Анализ автором осуществлен с применением этнонациологического подхода, позволяющего различать этнические и национальные фазы консолидации. Выделяются и переходные процессуальные состояния. За счет их как раз и поддерживались субэтнические различия. Происходившая в европейских странах национальная унификация приводила к их исчезновению. У восточных славян субэтнические различия превращались в одну из составляющих исторических кодификаций. В соответствии с этим существовала необходимость для закрепления общности оптимизировать с помощью реформ существовавшие внутренние общерусские связи, перевода их в разряд федеративных.

Abstract. The article shows the result of the study of the circumstances and consequences of the reorganization of self-consciousness among the Eastern Slavs. It covers the period from the Mongol invasion in the XIII century to the reunification by the decisions of the Moscow Zemsky Sobor (1653) and the Pereyaslav Rada (1654). The author's analysis is carried out using an ethnonatological approach that allows distinguishing ethnic and national phases of consolidation. Transitional procedural states are also distinguished due to which, subethnic differences were maintained. The national unification that took place in European countries led to their disappearance. Among the Eastern Slavs, subethnic differences turned into one of the components of historical codifications. In accordance with this, there was a need to consolidate the community to optimize existing internal all-Russian ties with the help of reforms, transferring them to the category of federal ones.

Ключевые слова: деятельность иезуитов, Люблинская уния, Малая и Великая Русь, насаждение униатства, национальная сегментация, русские славяне, триединый народ, этническая общность.

Keywords: activities of Jesuits, the Union of Lublin, Little and Great Russia, the planting of uniatism, national segmentation, Russian Slavs, triune people, ethnic community.

Тенденции в этнонациогенезе восточных славян, как и у других народов, определенность обретали иногда в течение длительного времени. Единство формировалось не без противоречий. Согласно объяснительной версии историка

В.О. Ключевского, «к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом вырабатывается русская народность» [1, с. 174]. Ее становление продолжалось и впоследствии. Даже в удельные века территория расселения восточных славян именовалась не иначе как «русская земля» [2, с. 92, 94]. Такое определение распространялось на пространство от Полоцка и Новгорода на севере до Половецких степей на юге, от Владимира и Суздаля, верховьев Оки на востоке до Галицкого княжества и Карпатских гор на западе [3, с. 242–261].

В пределах всего обозначенного пространства, как подтверждается и современными исследованиями, существовал народ «с единым языком, письменностью, религией и системой власти» [4, с. 10–11]. Общность «славяно-русского этноса» академик Б.А. Рыбаков выделял и в языческих верованиях [5]. Конкретизация «украина», как показывают этимологические сопоставления, является производной от «окраина» и вбирает «чисто географические свойства, не имеющие ничего общего ни с этнографией, ни с культурой» [6, с. 2]. Такое обозначение впервые было применено в отношении пограничного Переяславского княжества в 1187 г. и зафиксировано Ипатьевской летописью [7, с. 79]. В других сводах домонгольского периода термин «украина» изредка встречается в значении «окраины земли», части Руси [8, с. 6].

Это указывает на то, что он не имел тогда распространения. Название «украина» упоминается в летописях XII–XIII вв. относительно Киевского и Черниговского княжеств [9, с. 46]. Противопоставления же «Малая и Великая Русь» стали употребляться, по мнению специалистов, лишь после монгольского нашествия [7, с. 79]. В период раздробленности предпосылки к восстановлению восточнославянского единства не исчезли. Неслучайно в «Слове о полку Игореве» выделена в качестве мобилизующей именно эта идея [3, с. 242–261]. Ослабление же этнополитической связанности территорий свойственно было на определенных этапах и для других государств Европы [4, с. 10].

Утверждения, что «чуть не с IX в. существовал особый украинский народ с особым нерусским языком», А.И. Солженицын назвал надуманными и фальшивыми. По его уточнению «народ наш разделился на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации» [10, с. 10–11]. Локальная специфика в культуре различных восточнославянских обособлений и после этого не обретала свойства иной этничности, оставаясь на уровне переходных состояний, трансформации которых не завершились при установившейся ранее государственной совмещенности. Однако поражение князей при столкновении 31 мая 1223 г. с монголами на южных «рубежах Руси, в придонских степях... у реки Калки» воспринималось как общая беда от верховьев Оки и Волги вплоть до Карпатских гор и Сана [11, с. 525, 533].

После разъединения восточнославянского сообщества в XIII в. при «Батыевом нашествии», с которого берет отсчет превращение «Киевщины в Украйну» [12, с. 570], и установления контроля над западными русскими землями со стороны Литвы, а затем и Польши, историческая память о существовавшем когда-то единстве восточных славян под влиянием внешних

воздействий ослабевала, претерпевала изменения, но, несмотря ни на что, не исчезла. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. В этом отношении полного разрыва «севера и юга» не произошло и в последующие века [13, с. 115].

Самое раннее их отображение выявлено в византийских актах XIV в., составлявшихся по поводу ходатайства, поступившего из Галицко-Волынского княжества. В нем содержалась просьба об учреждении для него отдельной митрополии. В качестве центра для нее предлагался г. Галич. Вся остальная Русь, остававшаяся под управлением прежней митрополии, располагавшейся в г. Владимире-на-Клязьме, получила тогда впервые наименование «Великой» [4, с. 36]. Указание «Малой» употреблялось и в значении «исконной Руси» [14, с. 154]. Галицко-волыньские князья использовали его в отношении подвластных им земель. Наименование «Малая Русь» с такой же конкретизирующей привязкой употреблялось и в зарубежных странах. Существует объяснение, что введено оно было в употребление греческими патриархами для отличия Галицко-Волынского удела от превосходившей по размерам Московии [14, с. 156].

В противопоставлении отражалась вместе с тем признававшаяся целостность православного восточнославянского населения как народа. Более широкое применение оно получило с середины XVII в., когда произошло его частичное воссоединение. Существуют и другие объяснения появления данных названий. По одной из версий, противопоставления «Малая и Великая Русь» заимствованы из греческой практики периода колонизации и освоения обширных пространств. Именно тогда употреблялись названия «Малая Греция» как «основная», «подлинная» часть и «великая», обозначающая «общую» территорию распространения эллинского мира, то есть все его пределы (владения). Однако такое объяснение является всего лишь предположением. В киевский период формирования государственности у восточных славян определение «Малая Русь» отсутствовало [15, с. 95].

В специальных исследованиях вместе с тем высказывалась точка зрения, согласно которой «Великой Русью» первоначально называлась Новгородская земля [16, с. 103]. Изучение источников позволило А. Соловьеву в свою очередь сделать вывод, что данное обозначение появилось в XII в. и относилось ко всей восточнославянской территории как «единому целому» [17, с. 38]. Сравнения по величине обычными являлись и в отношении городов, в частности Новгорода, Ростова и др. Они в разных частях русской земли также воспринимались как «малые» или «великие» образования [17, с. 27].

По версии профессора Кембриджского университета Н.Е. Андреева, изложенной в статье «Переяславский договор» (1953), указание на масштаб объединившихся русских земель и инородных территорий появилось как «результат впечатления», возникшего в связи с «ростом Московской державы, ставшей в XVI в. на самом деле великой» [15, с. 95]. По его утверждению, не только тогда, но и в XVII в. употреблялись «или старые названия “Русь”, “русский”, или, считаясь с фактом роста Московского царства – Великой Руси,

Великого Российского царства». Тогда же на постоянной основе в употребление вошло определение «Малая Русь» [15, с. 95]. Противопоставления частей страны по размеру территории между тем существовали и у других славянских народов. Польша также, к слову, делилась на «Малую и Великую» [4, с. 36].

Однако это вовсе не являлось показателем разобщенности народа. Видный представитель отечественной исторической науки академик О.Н. Трубачев пришел к выводу, что противопоставления возникли в действительности и следствием заимствования чьей-то практики не являются, в том числе и отраженной в документах «византийской канцелярии» [18, с. 6–7]. Наряду с этим ученый подверг сомнению и объяснение, согласно которому словесные оппозиции «Малая и Великая Русь» возникли из-за разделения церковной митрополии [18, с. 6]. Тем не менее каноническое общение этих частей с Константинополем, где находился тогда патриарший престол, продолжалось. С XVI в. «Украиной» стали называть «часть территории к востоку от Днепра» и в Польше [19, с. 297].

Однако вплоть до того времени слово «украина» в источниках фиксируется редко. М.С. Грушевский переносит его в описания из более поздних периодов [13, с. 82]. Используемое им наименование «Украина» не соответствует существовавшей действительности и является следствием фальсифицированности доказательств. С помощью совпадавших по смыслу уточнений «окраина, украина», как считает исследовавший данные понятия И. Бутенко, обозначали в тот период именно «край, землю». Указания на это содержатся не только в русских летописях, но и в польских хрониках. В актах сформировавшейся позже Московской Руси, например, упоминаются «Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины» государства, составлявшие с ним единое целое и не имевшие обособленности [6, с. 2].

Между тем разъединенность восточных славян границами различных государственных образований способствовала сохранению непреодоленных в период этнополитического единства Руси локализованных состояний обособленности. Ослабленными оказались и процессы культурной консолидации. Для достижения «ополячивания» восточнославянского населения этим воспользовались власти Речи Посполитой, сделавшие ставку со второй половины XVI в. на изменение сложившейся идентичности. Первоначально предпринимаемые усилия затрагивали преимущественно сферу языка, в которой происходили наложения на отдельные совпадения смыслов, имевших праславянские основы. Самосознание же, опиравшееся в то время на православие, оказывалось наиболее устойчивым. Миссия по насаждению католицизма в среде восточнославянского населения изначально при представившейся возможности выполнялась иезуитами [20, с. 62].

Изучавший их деятельность профессор Н.Н. Любич отмечал, что они «содействовали... всеми силами» прежде всего закреплению за Польшей «завоеванных русских земель» [20, с. 62]. Важнейшая роль в получении такого результата отводилась Люблинской унии. Созванный для ее «устройства» в 1569 г.

съезд тем не менее не опирался даже на минимальную поддержку. Уже в самом начале выяснилось, что «ни литовцы, ни русские... унии не желают». Их представители, выразив несогласие, разъехались. Однако сложившейся ситуацией польские власти воспользовались по своему усмотрению [20, с. 65]. По существовавшим установлениям «для образования унии» достаточно было всего несколько подписей. Это предоставляло возможность применять принудительные меры к тем, кто будет сопротивляться.

Осуществление соответствующей политики началось с «Подлесья», а затем было перенесено на Волынь, Киевщину и Подолию. Но обращение в католицизм не превратилось в явление массового порядка и затронуло лишь высшие сословия. На них подействовала угроза лишиться «должностей и имений». В объявлении в жесткой форме, не допускавшей каких-либо исключений, давалось разъяснение, что это неизбежно произойдет, если присяга не будет подписана. В результате насаждения Люблинской унии, по оценке П.И. Ковалевского, «Литовская Русь» лишилась своего прежнего значения [20, с. 65].

После 1569 г., по заключению галицийского писателя и ученого И.Я. Франко, руководство Речи Посполитой делало все для того, чтобы «южную Русь... полностью слить с Польшей, сделать из этих двух стран единое целое» [21, с. 270]. Условия для сохранения этничности в Литве, в которую входили до этого западные восточнославянские уделы, были более терпимые [21, с. 270]. В них допускалось и состояние компромисса. Согласно Люблинской унии 1569 г. три сословия, «меньших князей, дворян и земских людей», сложившиеся на Руси, получили равные права с польской шляхтой, а восточнославянское земледельческое население ставилось в крепостную зависимость [21, с. 271]. К занятию государственных должностей допускались только католики. После отказа от православия открывалась возможность достигать самых высоких ступеней в служебной иерархии Речи Посполитой. «Окатоличенная аристократия», по словам П.И. Ковалевского, «начинает понимать пользу своего положения и поддерживать польские связи» [20, с. 65].

Попытки взлома исторической кодификации при помощи экономических и социальных мер оказались наиболее результативными. Православная шляхта под влиянием привилегий, предоставлявшихся Люблинской унией, воспринимала, в отличие от простого народа, польскую культуру, школы, книги и т. д. Лишь отдельные ее представители продолжали «стоять за Русь» [21, с. 271]. Наряду с православными к переходу в католицизм склоняли также лютеран и кальвинистов. Но в проводившейся политике воздействие прежде всего оказывалось на православное русское население. «Польские порядки», насаждавшиеся с 1569 г. [21, с. 270], способствовали деформации прежней этничности.

Оформление политики по перегруппировке сложившегося самосознания у доступной для такого воздействия части русских славян относится к правлению Стефана Батория (1575–1586), при котором для осуществления этих намерений производится наиболее массовый призыв иезуитов [20, с. 62].

Производившие обращение в «латинскую веру» добились при поддержке верховной власти принятия законов, запрещавших «иноверцам» получать назначения на высокие государственные должности. Для них исключалась даже возможность занимать места воевод [21, с. 272]. По мнению профессора Н.Н. Любовича, Стефан Баторий понимал, что удержать «территориальные приобретения» с православным русским населением можно только «путем водворения католицизма», то есть распространением западного варианта христианства. При помощи его, как небезосновательно ожидалось, достигнуто будет и его «ополячивание» [20, с. 62].

При короле Сигизмунде III (1587–1632) насаждение католицизма продолжалось [21, с. 272]. Направленные на разъединение восточных славян усилия выдерживались весьма последовательно. Прилагались усилия и к целенаправленной замене названия Русь. На то, что это предусматривалось «польским проектом», указывает многое. Запорожские казаки, в частности, обозначение «Украина» использовали в контактах только с представителями Речи Посполитой, политикой которой и осуществлялось его утверждение. В общении же с православным духовенством и представителями Московского государства они по-прежнему употребляли привычное название «Русь» [7, с. 81].

Противопоставления «Белая, Малая и Великая» стали широко использоваться после Брестской унии с конца XVI в., на что указывает и содержание православной публицистики [7, с. 21, 79]. Обвинения в ней за привнесенный в восточнославянскую этническую среду конфессиональный разрыв возлагались на польские власти. Предпринимавшиеся на протяжении многих лет усилия с их стороны имели направленность на его достижение. Но для переориентации канонических связей на Ватикан как центр католицизма необходима была церковная уния. В 1595 г. в этой связи созывается собор в г. Киеве. После его проведения при непосредственном содействии польского короля Сигизмунда в Ватикан направляются всего два посланца, И. Поцей и К. Терлецкий. На них возлагается миссия сообщить папе о якобы добровольном желании «образовать унию» [20, с. 67].

Между тем всем было известно о предпринимавшихся усилиях по ее насильственному введению. Несмотря на это, Ватикан учреждает в том же 1595 г. собор во Флоренции, где посланцы из Киева просили при всех папу «о присоединении к римской церкви» [20, с. 67]. О том, что согласие будет дано, известно было заранее. Процедура оказалась сугубо формальной. Завершением ее явилось «торжественное приветствие», обращенное к присутствующим на церемонии «епископам российским». В нем, в частности, говорилось о возвращении «к камню веры, на коем Христос утвердил церковь... к матери и наставнице всех церквей, к единственной истинной римской церкви» [20, с. 67]. По оценке П.И. Ковалевского, «насильственное воссоединение», осуществленное вопреки массовой настроенности восточнославянского населения Польши на сохранение православия, «не было крепким и принесло весьма печальные плоды» [20, с. 67].

Насаждению подчинения Ватикану предшествовали идеологические кампании, проводившиеся распространявшими католицизм иезуитскими проповедниками. В ходе них создавались представления, что отличия православных от «латынников» являются «заблуждениями, проистекающими от темноты и незнания истинной веры Христовой» [21, с. 273]. В качестве важнейших причин, способствовавших принятию унии в западных землях Руси, галицийский писатель и ученый И.Я. Франко выделяет отсутствие здесь у восточнославянского населения своей системы образования прежде всего школ, «грамотных людей», книг на родном языке, свободном от полонизмов [21, с. 273].

«Больше всего вреда», по его заключению, принесло введенное в Речи Посполитой в отношении православного духовенства «право патроната». В соответствии с ним епископы утверждались непосредственно королем, священнослужители же приходов – шляхтой (сельскими помещиками). После этого на служение в православные храмы в Польше назначались «не достойнейшие», а те, кто за «номинацию» мог «хорошо заплатить королю и его чиновникам» [21, с. 273]. Накануне принятия Брестской унии священниками («праведниками») становились, таким образом, «с помощью тяжкого греха» (симонии). Представители обедневшей православной шляхты, воспитанные на положениях Люблинской унии 1569 г., легко склонялись для собственного обогащения к его совершению. Некоторые из них становились даже митрополитами. В ряде случаев назначенцы, принявшие Брестскую унию, должности православных иерархов получили после возвращения из «латинства» [21, с. 273, 275–276], став тем самым дважды вероотступниками. Это является показателем низкого уровня их нравственности.

Распространению под влиянием польских порядков порочности в среде православного духовенства пытался противодействовать константинопольский патриарх. По его распоряжению получавшие сан ставились в зависимость от мнения прихожан. Возможность надзирать за священнослужителями предоставлялась «простым людям». Намерение константинопольского патриарха восстановить нравственное начало в деятельности православного духовенства в Польше также способствовало появлению у отдельных его представителей стремления «перейти под власть папы римского» [21, с. 276]. В 1595 г. «церковная уния» именно такой категорией православных епископов при посещении Рима и была принята. Церковный собор в Бресте, созданный в 1596 г. специально для оформления окончательного решения об объединении с католиками, подтвердил принятые во Флоренции решения [21, с. 276].

Православному духовенству западных русских земель было предложено признание власти Ватикана и главенства папы [22, с. 51]. На нем присутствовали посланцы (экзархи) патриархов александрийского и константинопольского, много епископов, духовенства и мирян. Группировки сохранения приверженности православного выбора Руси и сторонников унии опирались на «грозные ополчения» [22, с. 51]. Раскол привел к тому, что православный собор отверг унию и проклял ее, униатский ответил тем же в отношении

оппонентов. Компромисс между отступниками от православия и католиками был все же достигнут. Уния допускала совмещение православного и католического исповеданий [22, с. 51]. Так произошло подчинение «Восточной церкви» Речи Посполитой папскому престолу с сохранением ее обрядов, в том числе богослужения на родном языке. Объединение с католиками, не допускавшееся ранее, вследствие этого состоялось [22, с. 51].

Совмещение привело к утверждению грекокатолической церкви. Насажение униатства достигалось «путем проповеди и насилия» [22, с. 51]. В среде православных оно встречало сопротивление [22, с. 51, 57]. Для его преодоления в западных уделах бывшего государственного пространства Руси захватывались храмы, преследованию подвергались представители духовенства восточной разновидности христианства и верующие [22, с. 51, 57]. На защиту православия в западных землях Руси поднялось простое население и монастырские братства. Приверженность ему сохранили многие представители духовенства [20, с. 67; 21, с. 276].

Но от установившегося подчинения папскому престолу и совмещенной обрядности впоследствии из тех иерархов, которые приняли унию, отступились лишь владыки «львовский и перемышльский» [21, с. 276]. Одним из факторов принуждения несогласных являлась десятина в пользу католической церкви. Ее польские власти заставили платить оставшихся в православии. Помимо всего они существенно ограничивались в правах. Униаты же ставились в привилегированное положение. Со стороны государства им оказывалось покровительство [20, с. 68, 81]. К униатству польские власти между тем относились как к «крестьянской» религии. Для них важным являлось то, что в ней отражение получили некоторые черты католицизма, в том числе признание власти Ватикана. Гонения же на православных для окончательного подавления воспроизводившейся русской идентичности являлись в Речи Посполитой составной частью государственной политики [22, с. 51].

А это создавало предпосылки для изменения исторически сложившейся кодификации самосознания у восточнославянского населения, принявшего унию. Разъединение с другими частями этнического поля тем самым закреплялось и на идеологической основе. Однако значительная часть исповедовавших православие унию с католиками не приняла. Попытки поляков навязать ее с помощью жестких мер не увенчались успехом [9, с. 48]. Впоследствии неоднократно происходил при различных обстоятельствах массовый переход униатов в православие. Совершался он в том числе в Галицкой и Карпатской Руси, где их численность была более значительной [23, с. 20–21].

Прежняя этническая принадлежность, судя по всему, разрушительному воздействию не поддавалась. Русскими себя признавали открыто не только униатские священники, но и их дети [24, с. 159]. Контакт поколений оказывал воздействие именно в этом направлении. Название «украина», как показывает проведенный анализ, употреблялось для обозначения пограничных земель [7, с. 79]. Смысл его, несмотря на различия в произношении, оказался одинаковым

как в Речи Посполитой, так и в России. О.Н. Трубачев отметил, что в понятие «малороссы» не вкладывалось унижительное содержание [18, с. 7]. Впрочем, так же как и употреблявшимся в условиях Российской империи определениям «инородцы» и «туземцы». Именно в советский период наименованию «малороссы» стало придаваться негативное значение, не имевшее ничего общего с исторической реальностью. По утвердившемуся тогда представлению термин использовался для дискриминации украинцев по национальному признаку.

На самом же деле конкретизация «Малая Русь» появилась в грамоте галицко-волинских князей еще в 30-е гг. XIV в. В дальнейшем наименование было отнесено ко всем землям, воспринимавшимся в том числе и как Украина [18, с. 8]. На отсутствие в противопоставлениях частей восточнославянского этнического сообщества негативного контента указывает и вошедшая в обиход формулировка «Белая Русь». Такое название одно время соотносилось с северо-восточными землями. Упоминания о «Белой (Суздальской) Руси» содержатся, например, в источниках, отражавших образование в XII в. особой русской митрополии во Владимире-на-Клязьме. Создавалась она как независимая от Киевской, с правом осуществления самостоятельной конфессиональной политики. Обращаясь по этому поводу к своим боярам, Андрей Боголюбский так объяснил эту необходимость: «Я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил» [1, с. 291].

Впоследствии такое название закрепилось за той частью восточнославянского пространства, которая соотносилась только с западным уделом, рассматривавшимся в свое время в едином ряду с «Великой и Малой Русью» [25, с. 43–47]. Между тем у «Белой Руси» была и своя позиция, соотносившаяся с названиями «Черная и Червонная Русь» [25, с. 48–49]. В XIV–XV вв. к «Черной Руси» причисляли земли (северо-восточные княжества), обязанные давать так называемый «черный сбор», установленный налог, взимаемый Ордой. В восточнославянском отражавшем реальность употреблении «черными» называли тех, кто выполнял различные повинности [7, с. 80]. В этом как раз и заключалось смысловое наполнение термина.

К Руси же «червонной» («красной») в Польше относили территорию Галиции, имевшей в соответствии с этим характерное наименование «Воеводство Русское» [7, с. 31]. На основе народных преданий в примечании к поэме «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко сделал такое пояснение: «Черный шлях начинался от Днепра... и шел... на червонную Русь, к Львову. Черным назван за то, что по нем татары ходили в Польшу и своими табунами вытаптывали траву» [26, с. 158]. Его пролегание имело направленность «через степи Запорожские... воеводства Киевское, Подольское и Волинское» [26, с. 158]. Так что наименование «червонной Руси» отложилось в самосознании восточных славян и в таком виде. В Литве находилась «Белая и Малая Русь» [7, с. 80, 106].

Оторванные с XIII в. от остального восточнославянского сообщества они впоследствии попадали в зависимость от Речи Посполитой и на протяжении длительного времени удерживались в ее составе. В первой половине XVI в.

в Московском государстве находилась «Черная Русь» и часть «Белой», с которой соотносились Смоленские и Псковские земли, также составлявшие части единого целого. В одном из географических описаний начала XVII в. сообщалось, в частности, о разделении территории расселения восточных славян «на Руссию Белую, которая входит в состав Великого княжества Литовского, и на Руссию Красную... принадлежащую Польше. Третья же часть... лежащая за Доном и истоками Днепра, называется древними Руссией Черной, в новейшее же время она стала называться повсюду Московией, потому что все это государство, как оно ни пространно, от города и реки Москвы именуется Московией» [7, с. 80, 106].

В системе применявшихся обозначений белый цвет символизировал запад, черный – север, а красный – юг. Определения же «Белая и Черная Русь» имели частичную совмещенность. Такое же различие прослеживается и в смысловой конкретизации голубой – восточный. По предположению О.Н. Трубачева, так могла называться «Русь Приокская». Подтверждение он видит и в поэтическом наследии С. Есенина [18, с. 8], в котором схватывались из народных преданий, передававшихся из поколения в поколение, вариации исторической памяти. Упоминалось в нем и наименование «Голубая Русь» [27, с. 150]. отождествление ее производилось с северо-восточной («московской») частью этнического пространства [27, с. 176]. Конкретизация распространение имела, следует заметить, в среде самого восточнославянского населения. Сохранявшиеся в ней отголоски прошлого С. Есенин и использовал для своего творчества.

Противопоставления же «Белая, Малая, Червонная и Черная Русь» применяться стали, как установлено специальными исследованиями, с XIV в. [7, с. 82]. Тогда же, как можно судить по надписям на печатях князей, Галицию стали называть Россией [13, с. 38]. Сохранялась такая практика даже под «польским владычеством» [13, с. 38], что свидетельствовало об устойчивости восприятия. В западных ареалах этнического сообщества, следовательно, слово «Россия» появилось раньше [7, с. 80], чем в восточных, где его вхождение в оборот происходит лишь в конце XV в. При изучении особенностей восточнославянских говоров, содержавших также срезы формировавшейся когда-то исторической кодификации, В.И. Даль столкнулся с близким по содержанию объяснением. В составленном им толковом словаре приводится, в частности, такое описание зафиксированной информации: «...только Польша прозвала нас Россией, россиянами, российскими по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою» [28, с. 114].

Наименование «Русь» употреблялось «в значении мир, белсвет» [28, с. 114]. Признание же, что «московиты» и православные Речи Посполитой составляют единый народ, разделенный границами вследствие различных трагических событий прошлого, существовало и в зарубежных странах [7, с. 80]. В польском государстве не принявшее унию православное население как «инородное» подвергалось дискриминации. Распространенные в нем притеснения «за веру» привели

лишь к усилению самоотождествления православного населения с «русской национальностью» [29, с. 125]. Сохранявшаяся прежняя религиозная приверженность способствовала защите этничности. Имевшие восточнославянское происхождение представители шляхты, принимавшие католицизм, вместе с тем понимали, что изменение исповедания у народа невозможно, так как достижение этой цели приведет к его уничтожению.

В 1623 г. православное дворянство Речи Посполитой представило по этому поводу разъяснение и в правительственные инстанции. В нем также обращалось внимание на то, что искоренение «восточного христианства» в народной среде означает прекращение существования самой Руси. Защита веры вследствие этого обрела широкую поддержку. В разных формах на борьбу поднялись православное духовенство, религиозно-просветительные братства и иные «образованные люди», а также казачество [29, с. 125]. Разъединение тем не менее усилило внутреннюю этническую дифференцированность восточнославянского сообщества. Данная реальность не оставалась незамеченной.

Последствия дезинтегрирующих воздействий наиболее, на мой взгляд, достоверно в размышлениях отобразил имевший малороссийское происхождение отечественный философ Н.С. Трубецкой. По его заключению, ко второй половине XVII в. различие в обособленных культурах восточных славян «стало чрезвычайно глубоким». Тем не менее «сознание общерусского единства», как верно, на мой взгляд, заметил Н.С. Трубецкой, не исчезло. Оно не позволяло воспринимать и культурные различия в качестве независимых друг от друга. Вследствие обособленности и внешних влияний на протяжении нескольких веков они превратились, по заключению Н.С. Трубецкого, всего лишь в редакции Западной и Московской Руси [30, с. 499].

Передавая особенности «малороссийского» народного говора в различных поэтических сюжетах Т.Г. Шевченко использовал вариации «Украина» и «Украйна» [26, с. 42–43, 80, 88], отражавшие происходившие в реальности переходные видоизменения. Причем первая разновидность названия являлась заимствованием из польского обихода, вторая – общерусского. Двойственность наименования пространства как раз и отображала происходившие в прошлом влияния при формировании этнической специфики. Примечательно, что в Галиции, где польское влияние было выше, в употреблении встречалось только обозначение «Украина» [31, с. 217, 226].

Каких-либо отличий указание «Украйна» от распространенной практики в восточнославянской среде в других ареалах расселения между тем не имело. Кроме того, во всех случаях Т.Г. Шевченко применял формулировки в таком сочетании: «на Украине» и «на Украйне» [26, с. 242, 303]. А это было характерно именно для конкретизаций, обозначающих периферийность положения. В великорусском говоре В.И. Даль выделил именно этот смысл в конкретизации «Украйна». По выявленной им информации так «ныне зовут Малую Русь» [28, с. 484]. В сопроводительных разъяснениях толкового словаря

указание «украинный» обозначает местоположение «на краю... дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства» [28, с. 484].

Представления об общности восточных славян удерживались исторической памятью. Воспроизводство ее обеспечивалось в преобладающей степени на уровне контакта поколений. Анализ различных источников показывает, что, несмотря на усиление этнической дифференциации, воздействие его происходило именно в направлении сохранения общерусского единства. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. В века разъединения восточнославянская идентичность, претерпев изменения, соответствие общему этническому коду не утратила. Несмотря на сохранявшиеся субэтнические различия, преобладало осознание принадлежности к русскому народу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Сочинения : в 9 т. Т. I. Часть 1 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 431 с. – Текст : непосредственный.
2. Слово о полку Игореве / пер. С. Шервинского и Г. Шторма. – М.–Л. : Академия, 1934. – 52 с. – Текст : непосредственный.
3. Слово о полку Игореве / пер. Н. Заболоцкого. – Текст : непосредственный // Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М. П. Одесского. – М. : Слово, 2001. – 733 с. – С. 242–261.
4. Широкоград, А. Б. Утерянные земли России / А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2007. – 490 с. – Текст : непосредственный.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2014. – 640 с. – Текст : непосредственный.
6. Бутенко, И. Что должен знать каждый об украинцах / И. Бутенко. – Текст : непосредственный // Свободное слово Карпатской Руси. – 1971. – № 7–8 (151–152). – С. 1–13.
7. Калашников, М. Независимая Украина. Крах проекта / М. Калашников, С. Бунтовский. – М. : Фолио, 2009. – 413 с. – Текст : непосредственный.
8. Толочко, П. Киевская Русь / П. Толочко. – К. : Абрис, 1996. – 360 с. – Текст : непосредственный.
9. Радзиевский, А. Как и Бог наш – триедин русский народ! / А. Радзиевский. – Текст : непосредственный // Славянская нива. – 2002. – № 1–2. – С. 45–52.
10. Солженицын, А. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения / А. Солженицын. – Л. : Советский писатель, 1990. – 64 с. – Текст : непосредственный.
11. Франко, И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Избранные сочинения : в 10 т. Т. IV: Рассказы и повести. Драмы : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1950. – 736 с. – С. 485–640.
12. Россия : энциклопедический словарь (Б/и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
13. Волконский, А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда / А. М. Волконский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 33–123.
14. Репников, А. Василий Шульгин и «украинский вопрос» / А. Репников. – Текст : непосредственный // Россия XXI. – 2015. – № 1. – С. 146–171.

15. Примечание ред. к статье: Матвеев В. А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России. – Текст : непосредственный // Посев. – 1995. – № 1. – С. 95.
16. Державин, Н. С. Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского / Н. С. Державин. – М. : Советская наука, 1944. – 124 с. – Текст : непосредственный.
17. Соловьев, А. Великая, Малая и Белая Русь / А. Соловьев. – Текст : непосредственный // История. – 1947. – № 7. – С. 27–38.
18. Трубачев, О. Н. Как рождаются мифы (еще раз о терминах «великая», «малая» и «белая Русь») / О. Н. Трубачев. – Текст : непосредственный // 340 лет Переяславской Рады. Международная научная конференция : тезисы докладов. Вып. I. – Донецк : Б/и, 1994. – С. 6–8.
19. Романовский, Ю. Д. Украинский сепаратизм и Германия / Ю. Д. Романовский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 296–314.
20. Ковалевский, П. И. История Малороссии / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография Р.В. Коротаевой, 1912. – 221 с. – Текст : непосредственный.
21. Франко, И. Две унии. (Картинка из истории Руси конца XVI столетия) / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения : в 10 т. Т. 10: Статьи, письма : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 792 с. – С. 270–277.
22. Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. Т. 3: Т–Я / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. – 783 с. – Текст : непосредственный.
23. Суляк, С. Г. Русины: уроки трагической истории / С. Г. Суляк. – Текст : непосредственный // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность : сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. – Новочеркасск : Лик, 2010. – 300 с. – С. 11–48.
24. Царинный, А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / А. Царинный. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 133–252.
25. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с. – Текст : непосредственный.
26. Шевченко, Т. Кобзарь / Т. Шевченко ; пер. с укр. – М. : ОГИЗ. Гослитиздат, 1947. – 686 с. – Текст : непосредственный.
27. Есенин, С. А. Избранное : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / С. А. Есенин. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. – 544 с. – Текст : непосредственный.
28. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. – СПб., М. : Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 704 с. – Текст : непосредственный.
29. Богаевский, П. М. Присоединение Малороссии к Московскому царству / П. М. Богаевский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 124–132.

30. Трубецкой, Н. К украинской проблеме / Н. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М., 2007. – С. 498–522.

31. Франко, И. Украинский театр / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения : в 10 т. Т. 10: Статьи, письма : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 792 с. – С. 210–230.

REFERENCES

1. Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii. [Course of Russian history. Essays in 9 vols. I. Part 1]. Moscow: Thought, 1987. 431 p.

2. Slovo o polku Igoreve. [A word about Igor s regiment]. Perevody S. Shervinskogo i G. Shtorma. [Translations of S. Shervinsky and G. Storm]. Moscow-Leningrad: Academy, 1934. 52 p.

3. Slovo o polku Igoreve. [A word about Igor s regiment. Per. N. Zabolotsky] // V kn.: Drevnerusskaya literatura / Sost., predisl. i komment. M.P. Odesskogo. [In the book: Ancient Russian literature / Comp., preface. and comment. M.P. Odessky]. Moscow: Slovo, 2001. P. 242–261. (733 p).

4. Shirokorad A. B. Uteryannye zemli Rossii. [The Lost Lands of Russia]. Moscow: Veche, 2007. 490 p .

5. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. 2-e izd. [Paganism of the ancient Slavs. 2nd ed.] Moscow: Academic Project, 2014. 640 p.

6. Butenko I. Chto dolzhen znat kazhdyj ob ukraincah. [What everyone should know about Ukrainians] // Svobodnoe slovo Karpatskoj Rusi. [Free speech of Carpathian Rus]. 1971. No. 7–8 (151–152)]. P. 1–13.

7. Kalashnikov M., Buntovskij S. Nezavisimaya Ukraina. Krah proekta. [Independent Ukraine. The collapse of the project]. Moscow: Folio, 2009. 413 p.

8. Tolochko P. Kievskaya Rus. [Kievan Rus]. Kiev: Outline, 1996. 360 p.

9. Radzievskij A. Kak i Bog nash – triedin russkij narod! [Like our God, the Russian people are triune!] // Slavyanskaya niva. [Slavyanskaya niva]. 2002. No. 1–2. P. 45–52.

10. Solzhenicyn A. Kak nam obustroit Rossiyu: Posilnye soobrazheniya. [How can we equip Russia: Feasible solutions]. Leningrad: Soviet writer, 1990. 64 p.

11. Franko I. Zahar Berkut. Kartina obshchestvennoj zhizni Karpatskoj Rusi v XIII veke . [Zakhar Berkut. The picture of the social life of Carpathian Russia in the XIII century] // V kn.: Franko I. Izbrannye sochineniya. Per. s ukr. T. IV. Rasskazy i povesti. Dramy. [In the book: Franko I. Selected works. Trans. from ukr. Vol. IV. Stories and novellas. Dramas]. Moscow: State Publishing House of Fiction (GIHL), 1950. P. 485–640. (736 p).

12. Rossiya. Enciklopedicheskij slovar. [Russia. Encyclopedic dictionary (B/I.: Brockhaus F.A. and Efron I.A. St. Petersburg, 1898)]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 922 p.

13. Volkonskij A. M. Istoricheskaya pravda i ukrainofilskaya propaganda. [Historical truth and Ukrainophile propaganda] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacionalnogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M.B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 33–123.

14. Repnikov A. Vasilij Shul'gin i "ukrainskij vopros". [Vasily Shulgin and the "Ukrainian question"] // Rossiya XXI. [Russia XXI]. 2015. No. 1. P. 146–171.

15. Primechanie red. k state: Matveev V.A. Pereyaslavskaya Rada v istoricheskikh sudbah Ukrainy i Rossii. [Editor s note to the article: Matveev V.A. Pereyaslavskaya Rada in the historical destinies of Ukraine and Russia] // Posev. [Sowing]. 1995. No. 1. P. 95.

16. Derzhavin N. S. Proiskhozhdenie russkogo naroda – velikorusskogo, ukrainskogo, belorusskogo. [The origin of the Russian people – Great Russian, Ukrainian, Belarusian]. Moscow: Soviet Science, 1944. 124 p.
17. Solovev A. Velikaya, Malaya i Belaya Rus. [Great, Small and White Russia] // Istoriya. [History]. 1947. No. 7. P. 27–38.
18. Trubachev O. N. Kak rozhdaiutsya mify (eshche raz o terminah "velikaya", "malaya" i "belaya Rus"). [How myths are born (once again about the terms "great", "small" and "white Russia")] // 340 let Pereyaslavskoj Rady. Mezhdunarodnaya nauch. konf. Tezisy dokladov. Vyp. I. [340 years of the Pereyaslav Rada. International Scientific Conference Abstracts of reports. Issue I]. Donetsk: B/i, 1994. P. 6–8.
19. Romanovskij Yu. D. Ukrainskij separatizm i Germaniya. [Ukrainian separatism and Germany // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 296–314.
20. Kovalevskij P. I. Istoriya Malorossii. [History of Little Russia]. St. Petersburg: Printing house of R.V. Korotaeva, 1912. 221 p.
21. Franko I. Dve unii. (Kartinka iz istorii Rusi konca XVI stoletiya). [Two unions. (A picture from the history of Russia at the end of the XVI century)] // V kn.: Franko I. Sochineniya. V 10 t. T. 10. Stat'i, pisma. Per. s ukr. [In the book: Franko I. Essays. In 10 t. t. 10. Articles, letters. Trans. from ukr]. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 270–277. (792 p.)
22. Hristianstvo. Enciklopedicheskij slovar. V 3 t. T. 3: T–YA. Red. kol.: S. S. Averincev (gl. red.) i dr. [Christianity. Encyclopedic dictionary. In 3 t. t. 3: T–Ya. Ed. Col.: S. S. Averintsev (chief editor) and others]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1995. 783 p.
23. Sulyak S. G. Rusiny: uroki tragicheskoy istorii. [Rusyns: lessons of tragic history] // Rusiny Karpatskoj Rusi: Problemnye voprosy istorii i sovremennost'. Sb. nauch. st. po mater. konf. [Rusyns of Carpathian Rus: Problematic issues of history and modernity. Collection of scientific articles on the mater. conf. Rostov-on-Don, December 19, 2008]. Novocherkassk: Lik, 2010. P. 11–48. (300 p.)
24. Carinnyj A. Ukrainское dvizhenie. Kratkij istoricheskij ocherk, preimushchestvenno po lichnym vospominaniyam. [The Ukrainian Movement. A brief historical sketch, mainly based on personal memories] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 133–252.
25. Nikonov V. A. Kratkij toponimicheskij slovar. [A concise toponymic dictionary]. Moscow: Mysl, 1966. 509 p.
26. Shevchenko T. Kobzar. Per. s ukr. [Kobzar. Per. with ukr]. Moscow: OGIZ. Goslitizdat, 1947. 686 p.
27. Esenin S. A. Izbrannoe: V 2 t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy. [Favorites: In 2 vols. Vol. 1. Poems and poems]. Moscow: TERRA-Book Club, 2005. 544 p.
28. Tolkovyj slovar zhivago velikorusskago yazyka. Vladimira Dal'a. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. T. 4: R–V. SPb. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vladimir Dahl. The second edition, corrected and significantly multiplied by the author's manuscript. Vol. 4: R–V. St.] Petersburg-Moscow: Edition of the bookseller-typographer M.O. Wolf, 1882. [4], 704 p.

29. Bogaevskij P. M. Prisoedinenie Malorossii k Moskovskomu carstvu. [Annexation of Little Russia to the Moscow Kingdom] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 1241–32.

30. Trubeckoj N. K ukrainskoj probleme. [To the Ukrainian problem] // V kn.: Trubeckoj N. Nasledie Chingiskhana. [In the book: Trubetskoy N. The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: 2007. P. 498–522.

31. Franko I. Ukrainskij teatr. [Ukrainian theater] // V kn.: Franko I. Sochineniya. V 10 t. T. 10. Stati, pisma. Per. s ukr. [In the book: Franko I. Essays. In 10 t. t. 10. Articles, letters. Trans. from ukr]. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 210–230. (792 p.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Дезинтегрирующие воздействия на этническую общность русских славян в века разъединения / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 123–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Disintegrating Effects on the Ethnic Community of Russian Slavs in the Age of Separation / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 123–138. (In Russian).